

С. Т.
АКСАКОВ

Сочинения

Сергей Тимофеевич Аксаков

Опера «Пан Твердовский»

«Наконец, исполнились ожидания если не многочисленных, зато истинных любителей изящных отечественных произведений. «Пан Твердовский» дан 24 мая, и мы слышали *оперу* А. Н. Верстовского. Намереваясь поговорить о содержании пьесы, о музыке и вообще об исполнении, предварительно скажем, что мы не могли смотреть и слушать ее равнодушно: один из первых русских комиков написал волшебную оперу, естественно не для умножения авторской славы, а для другой, благонамеренной цели, и первый русский композитор музыки, прелестными произведениями которого восхищались все почти без исключения, с сожалением прибавляя: *для чего Верстовский не напишет оперы?.. наконец, написал ее...*»

Сергей Тимофеевич Аксаков
Опера «Пан Твердовский»

Наконец, исполнились ожидания если не многочисленных, зато истинных любителей изящных отечественных произведений. «Пан Твердовский» дан 24 мая, и мы слышали оперу А. Н. Верстовского. Намереваясь поговорить о содержании пьесы, о музыке и вообще об исполнении, предварительно скажем, что мы не могли смотреть и слушать ее равнодушно: один из первых русских комиков[1] написал волшебную оперу, натурально не для умножения авторской славы, а для другой, благонамеренной цели, и первый русский композитор музыки, прелестными произведениями которого восхищались все почти без исключения,[2] с сожалением прибавляя: *для чего Верстовский не напишет оперы?*.. наконец, написал ее.

Пан Твердовский, богатейший польский вельможа, любит Юлию, дочь бедного дворянина Болеславского, и женится на ней (Юлия выходит замуж против воли; она повинуется только отцу, но любит Красицкого, как говорят, убитого на войне). Чего бы еще хотеть Твердовскому? Но желание быть всеильным повелителем духов не дает ему покою; он уже

узнал многие тайны волшебства, но жаждет приобрести последнюю степень могущества. Здесь начинается пьеса. Действие первое: дремучий лес, древняя гробница, на сцене ночь и гроза; толпа цыган, в том числе мнимоубитый Красицкий, сбились с дороги; один из цыган находит избу, и все решаются переночевать в ней; Красицкий остается один с своею тоскою: он уже знает, что Юлия выходит за пана Твердовского; Гикша (цыган), более других к нему привязанный, приходит звать его обогреться, но Красицкий отказывается; Гикша приступает к нему с вопросами и узнает его историю. Читатели ее отгадывают. Красицкий влюблен в Юлию, он беден, искал счастья на войне с турками и три года не возвращался на родину. Богатый только одними ранами за отечество, не зная, куда приклонить голову, он пристал к шайке бродящих цыган: их беспокойная, разнообразная, кочевая жизнь ему полюбилась, и с ними-то пришел он на родину. После этого рассказа Гикша слышит шум и видит огонек; напрасно уговаривая Красицкого спрятаться, он оставляет его одного.[3]

Является Твердовский с слугою: Красицкий изумляется, услыша его имя (слугою произнесенное), и прячется за деревья. Твердовский, узнав из каббалистических книг, что в древней гробнице (которая на сцене) покоится великий мудрец и чародей, скрывший с собою в могилу сосуд (с чем-то волшебным), посредством которого можно вызвать и покорить своей власти повелителя духов, пришел это исполнить. Он вызывает тень мудреца, и, несмотря на грозное условие, что если вызыватель мощного духа оробеет, то соделается сам рабом и жертвою его, Твердовский берет сосуд и с торжеством уходит; но Красицкий все слышал и видел, он летит погибнуть или спасти Юлию от мужа-колдуна. Театр перемещается и представляет готическую комнату в замке Твердовского; будущий тесть его и невеста, им приглашенные, давно ждут хозяйина; наконец, он является; рассказывает, что во время грозы сбился с дороги, и спешит отправить своих гостей домой: у него другое на уме. Прощальный финал прекрасно изображает какое-то страшное нетерпение, волнуящее душу Твердовского. Театр перемещается и

представляет подземелье, по сторонам которого стоят рядами гробницы; жертвенник, жаровня и лампада показывают, что это, вероятно фамильное, кладбище служит местом волшебных упражнений Твердовского. Мелодрама. Он выливает или высыпает из сосуда что-то на жертвенник и приказывает повелителю духов явиться в прелестном виде эфирного существа; он является истинно таким, но огненная стена и своды, хор невидимых духов смутили немного Твердовского; раздаются подземные громы, земля колеблется под его ногами, наконец, гробницы открываются, тени усопших встают, и Твердовский испугался... Прелестный гений исчезает, и страшилище является со свитком в руке, на котором написано: *ты погиб*... «Я погиб», – восклицает Твердовский и падает без чувств... Занавес опускается. Действие второе: театр представляет дикое местоположение, дерево с плодами, из скалы бежит ключ воды; цыганы расположились тут табором, они поют и пляшут; собираются к Твердовскому на свадьбу и рассказывают слухи про его колдовство; приходит Красицкий в большом волнении, угова-

ривает Гикшу помогать своему намерению и уводит с собою, обещая дорогой все рассказать. Цыганы опять начинают веселиться; злой дух, или страшилище, появляется на скале, бросает камнями на сцену, сламывает сосну и, наконец, кидает целый отломок скалы; цыганы в ужасе убегают. Приходит Твердовский; он в отчаянии (как он туда зашел?); дух всюду его преследует, везде является пред его глазами; иссушает ручей, плодovitое дерево превращает в сухой пень и сам из него показывается. Приходят слуги Твердовского: они долго ждали его и, наконец, пошли отыскивать; пора идти к невесте. Твердовский оживляется мыслию, что добродетельная супруга может подвигнуть небо к милосердию, и спешит к брачному торжеству. Театр переменяется и представляет веселое местоположение; дом Болеславского, несколько хижин и в глубине театра озеро с каменною плотиною. Мария, подруга Юлии, с молодыми поселянками убирает цветами дом невесты. Являются Красицкий и Гикша; они хотят как-нибудь увидеть Юлию, наконец она приходит, и сердце ее как будто предчувству-

ет присутствие милого; по просьбе Марии она поет любимый романс свой, кроме последнего куплета, говоря, что его сочинил Красицкий и что никто в мире его не услышит и не будет петь, как вдруг сам Красицкий, спрятавшийся за углом дома, поет свой куплет (это производит приятное впечатление на зрителей). Юлия в изумлении, Красицкий хочет броситься к ногам ее, но приходит Болеславский и Красицкий опять прячется. Юлия уходит скрыть свое смущение и радость; Красицкий с Гикшей показываются; Болеславский, увидев цыган, приглашает их повеселить гостей на свадьбе, и Гикша, чтоб показать свое искусство, поет балладу и под именем боярина Ратибора описывает Твердовского, а под именем отца, выдающего дочь за колдуна, — самого Болеславского; с намерением прерывает пение баллады, а на вопросы, что это значит, сам Красицкий объясняет загадку и сказывает свое имя; [4] старая ненависть Болеславского воспламеняется, он бросается с саблею на Красицкого, но его удерживают. Приходит Твердовский и узнает все дело; Красицкий вызывает его на смертный бой, но его

обезоруживают и уводят в темницу. Гикша убегает, Болеславский почти силою подводит дочь к Твердовскому, чтоб она подала ему руку, но страшилище является между ними; его никто не видит, кроме Твердовского, который в отчаянии уходит. Болеславский в сомнении удаляется с дочерью домой; злой дух начинает проказить: является на каменной плотине озера, разрывает ее, вода хлынула, затопляет всю сцену, подмывает и разрушает хижины... Занавес опускается. В третьем действии театр представляет наружную часть замка Твердовского; в одной из башен заключен Красицкий; лунная ночь. Гикша с толпою цыган приходит спасти Красицкого. По заунывному его пению (делать нечего, в опере поют, когда автору хочется) узнают, в которой он башне, приставляют лестницу, перепиливают железную решетку окна, освобождают Красицкого и уводят. Театр переменяется, представляет прорванную плотину,[5] которую чинят; чрез воду лежат доски. Крестьяне разговаривают про разные беды – проказы злого. Приходит Красицкий с Гикшею: первого любовь опять влечет к Юлии; забывая опасность, он хочет

проститься или еще раз взглянуть на нее. Двери дома Болеславского отворяются, и Красицкий с Гикшею прячутся; выходит Мария с Юлиею; Красицкий хочет броситься к ногам ее, но отец опять является, и несчастный любовник опять прячется.[6]

Болеславский начинает подозревать Твердовского и, несмотря на просьбы дочери и ночное время, идет в замок, чтоб изъясниться с ним откровенно. Едва он ступил на доски, через прорыв плотины лежащие, является злой дух, машет рукою, доски подламываются и Болеславский летит в воду. Дочь падает в обморок. Красицкий все это видел; он бросается в воду и спасает Болеславского, в котором чувство благодарности заглушает старинную ненависть. Красицкий не говорит о себе, умоляет об одном: не отдавать Юлии за колдуна Твердовского. Отец приглашает своего избавителя к себе в дом, и все уходят. Театр переменяется: готическая комната в замке Твердовского. Он торжествует; злой дух, зная еще возможность раскаяния, обманул его ложною покорностью. Уже он исполняет все его мысли и является ему в виде прелестного

гения. Приходит старый конюший Твердовского, умоляет его, чтоб он послушался какого-то пустынного и заслужил прощение неба чистосердечным раскаянием. Твердовский отсылает старика с словами: «Я знаю, что делать!», но внутренне колеблется; наконец, жажда волшебного могущества превозмогает, и роковое нет вылетает... Мгновенно стол с плодами превращается в гробницу Твердовского, и злой дух в прежнем виде страшилища является со свитком, на котором написано: «Твой час, Твердовский, наступил». Невидимый хор поет сии слова... Но Твердовский решается погибнуть со славою, повелевает стихиям потрясти землю, призывает с небес пламя, хочет умереть на развалинах своего замка *повелителем злого духа*. [7]

Заклинания его действуют: замок горит, земля колеблется и Твердовский спешит исполнить свое намерение. Театр переменяется и представляет горящий замок над озером, в котором отражается зарево; все действующие лица выбегают на сцену и с ужасом видят казнь небесную. Удар грома разрушает башню, злой дух показывается на воздухе с Твер-

довским, бросает его в озеро, и – пламя поту-
хает, мир и тишина водворяются. Болеслав-
ский выдает Юлию... Нужно ли досказывать
за кого?.. Финал утешительными звуками за-
ключает оперу.[8]

Вот содержание пьесы; мы заметили неко-
торые несообразности его; вообще, по нашему
мнению, оно очень мало развернуто, особли-
во в отношении к характерам действующих
лиц, а потому они и не возбуждают сильного
участия: это очерки характеров. Многое в пи-
есе кажется даже непонятным, единственно
потому, что зрители не могут расслушать
слов пения и не знают, что написано *в пропи-*
сках; а там-то и находится связь пьесы и объяс-
нения поступков действующих лиц. Впрочем,
ход очень естествен, многие положения пре-
красны, и некоторые арии написаны хороши-
ми стихами.

Не будучи музыкантом, нельзя сметь опре-
делить с надлежащим отчетом истинную сте-
пень достоинства музыкальной поэмы; но ес-
ли музыка должна быть языком души; если
назначение ее не одни уши, а сердце; если

точное выражение чувств и положения действующих лиц составляют высокое достоинство музыкального произведения, то музыка г. Верстовского – превосходна! Опытные знатоки и беспристрастные артисты согласны с нашим мнением. Увертюра показалась нам мастерским произведением; все мотивы оперы прекрасно отзывались в ней и составляли целую музыкальную мысль. Оба антракты прелестны: первый затрогивал сердце живыми звуками веселой, беззаботной жизни цыган, а второй выражал бурное волнение и, наконец, отчаяние души Твердовского. Отличными номерами мы считаем: арию Твердовского в втором действии, где он колеблется, потом заклинание и финал; цыганскую песню, балладу, романс, который допевает Красицкий, дуэт Твердовского с Юлией и все хоры. Инструментовка вообще превосходна.

Должно отдать справедливость: спектакль был дан очень хорошо. Декорации прекрасны, а особливо работы г. Брауна; оркестр выполнял свое дело мастерски; костюмы отличные, одни – богатством, другие – вкусом. Машины, в том положении, как они есть при

Московском театре, действовали на этот раз очень удачно,[9] пожар потух превосходно. Заметим, что отца Юлии можно было одеть и беднее, но опрятнее: платье на нем казалось очень поношенным; что цыганы, а особливо цыганки, были костюмированы слишком близко с обыкновенными нынешними театральными цыганами; что злой дух или страшилище был не страшен и походил на святочного пугалу; чтоб привести в трепет смелого и решительного Твердовского, надобно было изобрести что-нибудь гораздо ужаснее; что после чистой перемены из готической комнаты в подземелье с гробами сих последних не надобно было выдвигать (это вредит будущему эффекту), а должно поставить их заранее (и в большем числе) за заднюю занавесью, которую для этого можно на одну кулису подвинуть вперед; что раскаленной или огненной стены почти никто не приметил; что кудрявые, полупрозрачные тени, или мертвецы, не отвечали своему назначению: не были ужасны и не походили на мертвецов, тут надобно употребить настоящих *будущих мертвецов*; что сосна повисла и после сама

встала, а лучше бы, кажется, вырвать ее и с корнем бросить в середину веселящихся цыган; что камешки и отломки скалы были ни на что не похожи и очень смешны; что к полному очарованию наводнения не доставало, чтоб плотина не открывалась прежде воды; доски стукнули, и все очарование пропало, и это неестественно: озеро волнуется, выходит из берегов и должно вместе с вырванной частью плотины, затопляя ее, хлынуть на сцену; что ключ настоящей воды был не приметен и досаждал своим журчаньем. На театре, где все обман, и вода истинная не годится. Лучше бы сделать искусственный каскад в большом виде и поставить его гораздо далее. – Вот все, что можно было заметить самому строгому зрителю.

Очень редко можно найти артиста, соединяющего искусного актера с отличным оперным певцом, а потому не должно слишком строго судить игру их. Мы не будем говорить об игре гг. актеров в этой пьесе, оставляя это до будущих спектаклей, значительнейших в отношении действия. Мы ограничимся на этот раз общим замечанием, что не довольно

одних дарований для достижения имени отличного артиста: надобно учиться и трудиться.

Мая 29 дня, 1828 года.[10]

Примечания

1

...один из первых русских комиков – имеется в виду М. Н. Загоскин.

[^^^]

2

Мы не говорим о тех людях, которые ничего русского не хвалят, и о тех, которые ничего в целом мире не хвалят.

[^^^]

Нам кажется поступок Гикши несообразностью, не он ли с опасностью жизни освобождает после Красицкого? А здесь от маленького шума, ничего еще не видя, бросает его – быть может, на жертву двум разбойникам, с которыми они и сами, будучи вдвоем, легко бы управились.

[^^^]

4

Прерванное пение баллады было бы очень хорошо, если б было нужно по ходу пьесы; если б это было единственным средством возбудить в старике подозрение, но здесь и без баллады можно было все рассказать, как впоследствии и сделалось.

[^^^]

5

Нам показалось, декорация не та, которая была в конце второго действия.

[^^^]

6

Эти прятанья нам кажутся слишком однообразны и сходны с такими же в втором действии и вообще утомительны.

[^^^]

Мысль прекрасная, но, кажется, не соответствующая с обстоятельствами: Твердовский, раб злого духа, не может уже повелевать стихиями и умереть повелителем его.

[^^^]

Кажется, падением Твердовского надобно бы кончить оперу; зрители отгадали бы последствия. Финал хотя и очень хорош, но не мог уже произвести никакого впечатления на пораженного зрителя.

[^^^]

Эта часть требует улучшения.

[^^^]

Мая 29 дня 1828 года. – В журнальном тексте под статьей ошибочно обозначен 1826 год.

[^^^]